

И стал свет

ных коллекциях стран Западной Европы и Америки. Несколько лет назад Сергей Казанцев построил себе дом в живописнейшем месте на берегу реки Истры – мастерскую, алтарь для искусства, как он сам ее называет, в котором он свободно творит, живя со своими родными. Мы встретились с Сергеем Сергеевичем и его супругой Натальей Михайловной, искусствоведом, в их стенах, а точнее – на территории создаваемого ими скульптурно-ландшафтного заповедника, для того чтобы узнать, как художник строил свой дом, как он видит – в самом широком смысле – его образ, что думает о творчестве и о многом другом, что, на наш взгляд, составляет столь важное для всех нас понятие Дома.

ЗЕМЛЯ

ТЕПЛЫЙ ДОМ: Уважаемые Сергей Сергеевич и Наталья Михайловна, позвольте начать наш разговор с метафорического вопроса... Как эволюционировал и трансформировался образ дома на протяжении вашей жизни, прежде чем вы построили тот, какой хотели?

СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ: Первый дом каждого человека находится в детстве. Я родился в старинном русском городе Александрове, бывшем некогда резиденцией царя Ивана Грозного. Отчетливо помню ту атмосферу. Девственную белизну снега, голубое небо, гудки паровозов в клубах пара... Церковь, которую я посещал и приходил в тихий ужас от мрачных одежд священников, таинство полумрака, мерцание ликов с икон, величие куполов и стен Александровской слободы, хранившей дух опричников и грозного царя... Хорошо помню свой деревянный дом, утопавший в садах. Мама в отличие от большинства соседей выращивала в саду не картошку или брюкву, а роскошные цветы, которым был подчинен весь наш домашний уклад. Я вырос и воспитывался в красоте цветов и, может, потому начал очень рано рисовать, причем рисовал на чем угодно – на бумаге, на стенах домов. Что я изображал? Меня всегда пленили и переполняли загадочные женские образы. Один из таких образов я однажды нарисовал прямо на школь-

Если попытаться выразить существо человеческой жизни, то разве не сводится она, жизнь, к одному, простому и непреложному: к построению Человеком Дома. Конечно, понимать это надо не в буквальном смысле. Человек строит себе дом, или некое свое, исконное пространство – на работе, занимаясь любимым делом, или обретая родную душу в этом мире. Очевидно, в общепринятом смысле это утверждение не всегда согласуется с бытовыми реалиями, но в случае с Художником оно имеет (и должно иметь!) аксиоматический характер. Ибо творец упорно, вопреки всем обстоятельствам, творит и выстраивает свой художественный мир, дом, воплощая его в музыке, литературном произведении, живописи. А если говорить о скульптуре, то замысел воплощается в материальной форме буквально. Сергей Казанцев – ведущий российский скульптор, работающий с мрамором, чьи произведения (а их на сегодняшний день более 100) находятся в собраниях Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, в музеях России, Украины, Грузии, а также в част-

ной стене, что послужило причиной гневного диспута на педагогическом совете, после чего я был выдворен из школы. Эта страсть так и не покинула меня и позже привела в Абрамцевское художественное училище, где я учился на отделении народных промыслов. Те дни учебы я вспоминаю с большой благодарностью, и родной город, и находящийся поблизости Загорск – духовный центр православного христианства. Все это (да и многое другое) и составляет атмосферу моего детства – если хотите, Дома моего детства... Потом было поступление в Суриковский институт, учеба на скульптурном факультете, которая нас, студентов, совсем не радовала... Официоз столичной советской жизни, повсеместные ограничения, цензура, заорганизованность учебного процесса и недостаток духовной пищи для художника... Но были рядом молодые, очень живые люди, друзья, приятели – мы все о чем-то мечтали, надеялись на встречу с лучшим, а в 1972 году я познакомился с Натальей... Кстати, если вы решили начать наш разговор с метафорического вопроса, то скажу в том же духе. Творческий процесс обретения дома в первую очередь связан с... обретением в твоей жизни духовно родных тебе людей.

НАТАЛЬЯ КАЗАНЦЕВА: Наша встреча – без лишнего пафоса – действительно оказалась судьбоносной. Мы познакомились с Сережей в Пушкинском музее, на выставке шедевров мирового портрета. Тогда я училась на историческом факультете МГУ и изучала мировую живопись, графику и скульптуру. Наши интересы, увлечения полностью совпадали, и можно сказать, что с той встречи в Пушкинском начался наш совместный с Сережей

путь как в жизни, так и в изобразительном искусстве...

А если говорить о доме, то для скульптора, художника дом – это в первую очередь его рабочее место. Сережа еще в студенческие годы всегда много работал; после вступления в Союз художников у него появилась первая мастерская на Таганке. Иметь в те времена мастерскую в центре Москвы, поблизости от Союза художников – от художественного совета, от комиссии по заказам – для художника было особенно важно.

Но если говорить буквально о доме на земле, то от бабушки мне перешла в наследство простая мазанка с семьей сотками в подмосковной деревне в Лобанове, куда мы старались выезжать в любое свободное время. Там Сережа и устроил свою первую загородную передвижную мастерскую, где работал среди чудесного среднерусского ландшафта. Прошло много лет, у нас появились дети: три дочери. А потом... потом грянула перестройка, все стало необратимо меняться, рушиться. Но появилась возможность получить землю. К тому времени Сережа был уже известным в профессиональных кругах скульптором и, живя в деревне, сделал несколько работ для Истринского района. Это помогло нам получить землю неподалеку от нашей деревни, в окрестностях Павловской слободы, на высоком берегу Истры, где мы с вами сейчас и находимся.

С.К.: Мы получили землю, и у меня появилась идея, мечта построить здесь мастерскую, храм, алтарь для искусства – на просторной земле под необъятным небом. Сразу же определилось и место для строительства: высокий холм, от которого шел склон к живописному лесу и реке. Но так как денег для воплощения этой мечты не хватало, мы начали строительство жилого дома.

ТД: Как осуществлялось ваше первое строительство?

Кухня жилого дома

Н.К.: Пожалуй, лучше рассказать об этом мне: это как бы мой дом, я в нем живу и работаю, а Сергей живет в мастерской. Эскиз дома мы заказывали у профессионального архитектора, хотя после пришлось многое менять, поскольку эскиз оказался далеким от требований реальной жизни. Дом был построен за год. Расположен он очень уютно, органично вписан в ландшафт, находится под небольшим холмом, в укромной нише, которая защищает его от холода, что позволяет нам не тратить много газа на

отопление. Первый этаж кирпичный, который я называю материальным уровнем, – с прихожей, кухни и столовой. Второй для отдыха, на нем расположены гостиная, спальня. Там же маленький зимний сад, который переходит за счет разных уровней земли в террасу. И третий этаж с мансардой

(еще ближе к небу!), который я называю духовным уровнем; там – библиотека и мастерская, где я пишу статьи и картины... Я рассказала вам об этом доме вкратце, потому как действительно главным нашим проектом являлась мастерская Сергея.

НЕБО

ТД: Итак, у вас появилась своя земля, причем большой площади, вы построили жилой дом и начали думать о своем главном проекте...

С.К.: Еще два года нам приходилось с тоской взирать из окна дома на пустой холм, на котором я решил построить мастерскую. Когда появились свободные деньги, мы обратились к одному профессиональному архитектору, обговорили проект, заплатили за эскиз, но в конце концов отказались от его услуг. По той причине, о которой уже говорила Наталья, но также и по другой... Все-таки строительство дома, а тем более мастерской для художника дело сугубо его, художника, рук.

ТД: Значит, вам пришлось стать архитектором и строителем? Если это так, то как вы справлялись со своими новыми профессиями?

С.К.: Во-первых, до этого я имел некоторый опыт строительства, во-вторых, я занимался и занимаюсь скульптурой, работая с материалом, зачастую тяжелым, сложным, – тем же камнем, а в-третьих, и это самое главное, мне всегда – и в работе, и в жизни – помогала интуиция. Или Бог помогал...

*Мастерская.
Выход во внутренний сад*

Библиотека мастерской

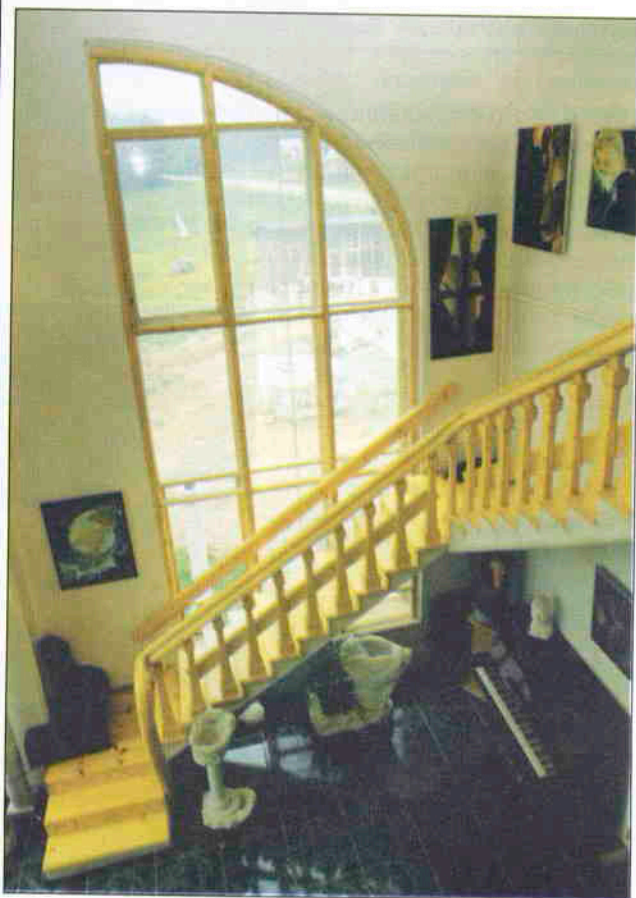
Я задумал архитектурный проект, который должен был выражать творческую суть человека и его существования, торжество его творческого духа. Проект был выполнен в стиле православного храма, что для меня было особенно важно. Далее. Я запланировал построить фундамент и цоколь из валунов, натуральных камней, то есть создать мощную монументальную основу для дома в полном созвучии с музыкой моего любимого Бетховена. И вот в 1993 году мы начали завозить на КамАЗах огромные валуны из карьеров не только ближних, но и дальних окрестностей. Вы понимаете, насколько тяжелой и длительной оказалась эта работа. На все на это ушло два года, в общей сложности мы завезли 15 машин. А непосредственно закладка фундамента и цоколя была осуществлена в течение одного лета. Конечно, установкой камней под необходимым углом и на необходимой высоте занимался я сам, также руководил бригадой из 10 человек, выполняя функции прораба. В результате мы заложили фундамент на 2 м в глубину и построили цоколь высотой 3 м плюс подвал в 2 м. Такая могучая основа дома необходима была мне для того, чтобы на ней легко заиграла, зазвучала моя стеклянная конструкция – стены от пола, переходящие в купол. Сама же стеклянная конструкция должна была обеспечить максимальный обзор и прием света, тем самым непосредственно сообщая меня с небом, с космосом. Могу сказать так: если первый наш жилой дом строился, образно говоря, от земли, то мой алтарь должен был строиться от неба... В конце концов мой воздушный дворец так и был построен. И еще один немаловажный мо-

мент: вся конструкция, согласно проекту, держится на четырех кирпичных арках с армированной кладкой, которые придают зданию максимальную прочность, несмотря на видимую легкость, и, я бы даже сказал, легкомысленность стеклянных стен и купола.

ТД: В конце концов Ваш проект осуществился должным образом?

С.К.: Конечно, какие-то отдельные конструкции не проходят проверку временем. К примеру, кровля. Мы использовали импортную кровлю, но оказалось, что в наших климатических условиях она непригодна. Придется менять на нашу отечественную, метал-

лическую. Но особых претензий к собственному проекту у меня нет. Конечно, во время строитель-

Холл мастерской

Интерьер мастерской. Зала

ства я часто сталкивался с рьяными скептиками. К примеру, для отопления всего объема мастерской я заложил в проект теплые полы, которые часто используются в католических храмах, т.е. это пластмассовые трубы, проведенные по периметру пола, с водой, поступающей в дом из скважины и обогреваемой газом. Так вот один теплотехник, которого мы пригласили как консультанта, упорно настаивал на том, что я не смогу таким способом отопить столь огромное пространство (высота 7 м, ширина 14 м). Тем не менее полы совершенно спокойно прогревают весь объем в любой мороз, в любую промозглую погоду. В итоге наш небесный дворец был построен с Божьей помощью всего за 6 месяцев. Я подчеркиваю: с Божьей помощью, потому как многое – как деньги, так и дефицитные материалы – приходило к

«Источник». Внутренний дворик жилого дома

нам с Наташей совершенно неожиданно, и земных объяснений этому найти просто невозможно.

МАГИЯ ПРОСТРАНСТВА

ТД: Ваш совместный рассказ легко образует драматургию наших вопросов. И следующий вопрос так-ков. До обретения земли, до строительства обоих домов Вы, Сергей Сергеевич, уже были известным мастером мраморной скульптуры. Скажите, изменилось ли Ваше творчество, его ритм и дыхание после того, как Вы «переехали» в новую мастерскую?

С.К.: Несомненно. Большие пространства дают художнику большую пластическую раскованность. И работая здесь, я могу, как было уже мною сказано, непосредственно соизмерять себя с небом и космосом. Вот вам один пример. Серию «Времена года» с изображением женских фигур я делал несколько раз. Можно сравнить то, что я делал в своей городской мастерской, и после, уже здесь. Женские образы, их воплощения стали более свободными, более грациозными и пластичными! И можно привести еще множество примеров. Так что, несомненно, магия пространства существует и диктует свои законы, реально влияя на сознание художника. Если ранее я, работая в городских стенах, мог лишь «догадываться» о космосе, то теперь ощущаю себя его органичной частью. В

проекте своей мастерской я постарался все предусмотреть. И место, и освещенность, и положение своего кабинета, окна которого смотрят на восток, т.е. обращены к восходящему солнцу, что создает утром прекрасное настроение для работы. Слава Богу, наступили времена, когда люди стали уезжать из городов, строить себе дома, находиться ближе к земле и – к небу. Мы так долго ютились, томились в своих узких простенках, в душных объемах городских конструкций, что такое существование наложило на сознание советского человека неизгладимый отпечаток...

Н.К.: Позвольте, я продолжу тему пространства... Получив эту землю, мы задумали построить в близлежащих окрестностях скульптурно-ландшафтный заповедник (общей площадью 28 га), что упорно и последовательно осуществляем. А несколько лет назад при заповеднике мы открыли Центр изящных искусств «Гармония», в котором помимо творческой деятельности Сергей занимается и общественной, пропагандистской.

ТД: Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

Н.К.: Главной задачей центра является создание гармоничного пространства путем представления и растворения скульптурных работ в природной среде, в естественном ландшафте. Возникла идея открыть при центре школу скульптурного мастерства. Теперь у Сергея постоянно работают 3-4 ученика, причем приезжают они к нам не только из Москвы или Подмосковья, но и из других регионов России. Мы планируем проводить творческие семинары с участием российских и зарубежных скульпторов, во время которых будут создаваться работы для заповедника. Также мы постоянно устраиваем экскурсии как для местных школьников, так и для иностранцев и рассказываем нашим гостям о традициях, о философии российской скульптурной школы. И, конечно, у нас регулярно проходят музыкальные

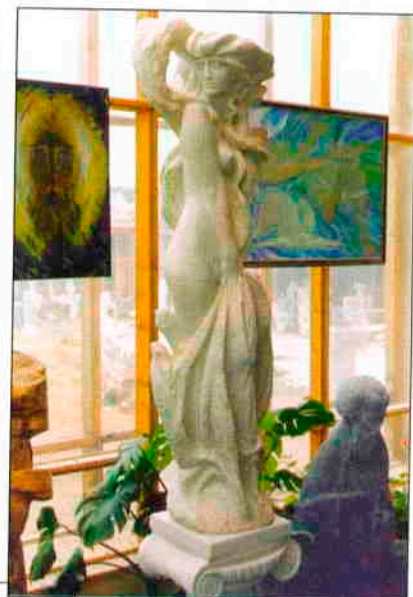
и поэтические вечера с участием известных и молодых художников, композиторов, поэтов и скульпторов. Я бы сказала так: главная задача для нас – создать в нашем заповеднике особое духовное пространство, и, смею надеяться, что его атмосфера на сегодняшний день реально влияет на атмосферу всего района.

ТД: А теперь перейдем к самому главному: к разговору о Вашем творчестве, об искусстве скульптуры, о мраморе, – насколько это, ко-

«Зима»

нечно, возможно в рамках нашей беседа. Ведь без творчества не было бы ни дома, ни мастерской, ни заповедника, ни центра «Гармония». Как бы Вы, Сергей Сергеевич, определили тему или темы своего творчества?

С.К.: Вероятно, это не мое дело – определять собственное творче-

ство, а дело искусствоведов. Лучше я скажу о другом... О мраморе. Я занимался живописью, скульптурой. В скульптуре я работал с гипсом, деревом, бронзой, камнем, мрамором. Так вот, наиболее изысканным по чистоте и пластике, по рафинированности материала является для меня

«Осень»

именно мрамор, который в чутких руках становится теплым, живым, дышащим. И именно через белый мрамор возможно передать всю тонкость и целомудрие женского образа, что принципиально и важно для меня. Еще учась в академии, я имел свое четкое видение женского образа, который никогда не

«Весна»

«Лето»

В библиотеке мастерской

рассматривал как греховный, порочный. И это особое видение взрастила во мне моя мать, обладавшая духовной чистотой, красотой и щедростью. Конечно, в моем творчестве есть разнообразные мотивы и темы, восходящие к античности, к христианству, к мифологии, но если говорить в целом, то главное для меня в искусстве скульптуры – передать, приоткрыть красоту созданного Всевышним, выразить через скульптуру совершенство Бога.

Н.К.: Тут я бы хотела добавить. О Сереевском творчестве написано много искусствоведческих работ, в которых рассматривались, анализировались его темы, образы, метод. Со многим можно согласиться, со многим нет. К примеру, в свое время Сергея упрекали в несовременности за то, что его скульптуры «слишком» античны или мифологичны для нашего времени. Надо понимать одну вещь: в своих работах Сергей из наших мятежных XX, XXI веков являет своим творчеством... сны или воспоминания о безвременном ушедшем золотом веке человечества, о гармонии человека, как творения Бога. Помнится, в од-

ном из интервью Сережа говорил о человеческом счастье, мечта о котором красной нитью проходит через все цивилизации, и в этом смысле нет большого различия между человеком античности и нашим современником. Ведь по самому высокому счету время, этнос, география не разделяют людей, ибо история человеческого Духа едина...

ТД: На сегодняшний день Вы, Сергей Сергеевич, создали более 100 работ. Вы имеете заказы и в то же время занимаетесь свободным творчеством. Вы работаете каждый день? И если да, то как он начинается и проходит?

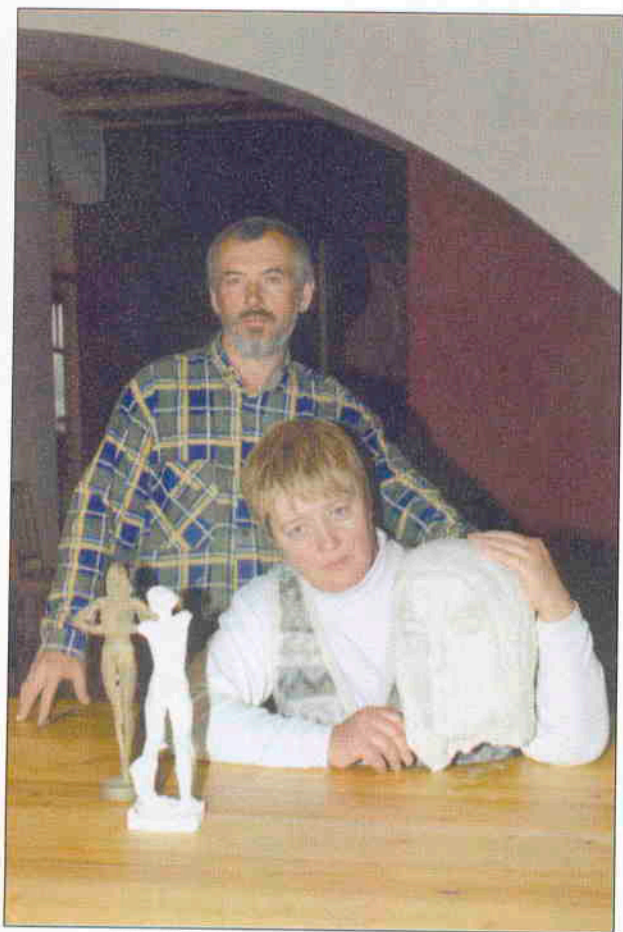
С.К.: Да, я позволяю себе работать каждый день. День мой начинается в шесть утра с того, что я провожу тщательную уборку своего рабочего места, или ревизию своего рабочего пространства. Причем никто, кроме меня, не должен делать это. Затем я работаю с помощниками, а после иду к... животным, погружаюсь в их мир. Общаюсь со своими козами, собаками, курами и прихожу в гармоничное состояние. Помните? Весь мир состоит из четырех космических элементов: минералов воды, растений, животных, венцом которых является Человек... Затем завтрак, после которого я возвращаюсь к работе. Работаю до упора, до позднего вечера, с перерывом на обед и коротким отдыхом. Понимаете, когда я говорю, что «позволяю» себе каждый

«Берегиня».
Спальня мастерской

Фонтан.
Частная коллекция. 1999 г.

Сергей и Наталья Казанцевы

день работать, то я имею в виду, что мне не так уж много времени осталось... Вот сейчас надо делать «Пьету» для Югорской часовни в Тюменской области, параллельно я заканчиваю памятник, посвященный памяти погибших бойцов московского ОМОНа и, кроме этого, продолжаю экспери-

ментировать с различными камнями. К примеру, сейчас – с пуштулимским мрамором, который дает необычайные пластические эффекты и по своей красоте и пластике превосходит все зарубежные аналоги. Так что я стараюсь не сбавлять темп: заканчивая одну работу, немедленно приступаю к следующей...

ТД: Значит, Ваша жизнь – одни дни творения? Поневоле приходит на ум библейская аллюзия... Бог сотворил небо и землю, и первый день творения начал с того, что сказал: да будет свет. И стал свет... Несомненно, пока есть творчество и творения, есть в мире и свет. Скажите, каким Вы видите настоящее и будущее скульптурного ремесла и искусства в России?

С.К.: Это актуальный вопрос. К сожалению, ныне в России мы переживаем упадок скульптуры. Тем более мраморной, ибо мрамор всегда был дорогим материалом. Скульптура как никакое другое искусство в силу трудоемкости процесса, дорогостоящего материала нуждается в больших заказах, в максимальной востребованности. Микеланджело творил, получая заказы от самого Папы Римского. Роден делал работы для Союза писателей Франции. В советские времена существовала своя система заказов, которая рухнула. Образовался вакуум. Требуется новый заказчик, новый человек с аристократическим уровнем понимания искусства. Пусть я скажу банальность, но ведь самый выгодный коммерческий проект – вкладывать деньги в вечное. А мраморная скульптура есть вечное. Скульптура вообще – искусство имперское, и всегда расцветало в сильной, богатой стране. Поэтому возрождение скульптурного искусства я самым непосредственным образом связываю с возрождением России... И поскольку возрождение России при всех существующих проблемах и трудностях неизбежно, то, отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что в будущем российской скульптуры я вижу только свет.

Беседовал А. КАН.

«Прометей».
Интерьер офиса Газпрома